

Круглый стол “Феномен аномии в контексте эпистемологической дихотомии “теория — факт””

Феномен аномии одним из первых попал в фокус интереса академической социологии не только в теоретическом разрезе, но и в контексте его эмпирического изучения. Знаковым является и то, что его исследованию уделяли должное внимание такие мэтры социологического знания, как Эмиль Дюркгейм и Роберт Мертон. В этом ракурсе вполне закономерно, что был разработан ряд шкал для измерения аномии в современных обществах (шкалы Сроула, МакКлоски и Шаара, Дина, Миддлтона).

Таким образом, современная социология бесспорно может рассматривать аномию в теоретическом разрезе и как объект социологического измерения. Конечно, эти две грани социологического знания неотъемлемы друг от друга, но в то же время нельзя говорить, что взаимосвязь между ними однозначна и непротиворечива. Исходя из этого, целью круглого стола, посвященного феномену аномии, стало обсуждение противоречий и возможностей, возникающих на стыке теоретического и эмпирического исследования этого интересного в академическом плане и актуального на фоне социальных процессов в современной Украине явления.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социальная аномия — смысловой диапазон возможных концептуализаций и его влияние на последующую операционализацию

В ситуации постепенного дрейфа науки от доминирования фундаментального знания к акценту на весомости знания инструментального парадоксальным образом начинает расти потребность в рефлексии в отношении теоретических и методологических контуров, в которые вписаны прагматически и технологически весомые результаты. Именно благодаря этой рефлексии можно яснее понять, на какие прагматические потребности может быть направлен тот или иной практический результат или инструмент для получения такого результата. *Измерение социальной аномии* выглядит

© Л.Бевзенко, А.Бова, С.Дембицкий, Е.Злобина, М.Мищенко, Е.Настоящая, Ю.Романенко, 2019

одним из таких инструментов, и здесь можно поднять ряд важных вопросов касательно широкого научного и концептуального контекста, к которому оно относится. А именно:

- Что мы имеем в виду, когда говорим об измерении в социологии, и как это связано с измерением в науке как таковой?
- Как концептуализируется при этом общество? Что это — сумма индивидов или сумма отношений между ними? Какой — аддитивный или системный характер — оно имеет?
- Как концептуализируется человек и природа его поведения (реального, вербального)? Ведь зачастую инструменты измерения опираются на методы, за которыми неявно стоит данная концепция.
- Как концептуализируется, собственно, сама социальная аномия?

Измерения в науке. Социология позиционирует себя как наука, которая в общем поле научных дисциплин находится между его гуманитарным (культура, человек) и точным (цифра, измерение, индексы) полюсами. Но в точных науках измерение стало тем фундаментальным понятием, изменение смысла которого обусловило *деление науки на классическую, неклассическую и постнеклассическую*. Главной задачей научного знания с самого его возникновения был поиск возможности предвидеть и прогнозировать ход событий в различных средах. Наука предлагала свои модели реальности, на основании которых делался прогноз. Основой для такого прогноза служили актуальные значения переменных, входивших в эти модели. А эти значения получали, используя определенные инструменты измерения. *Классическая наука* имела дело с линейными моделями и была убеждена, что они довольно точно соответствуют реальности. Погрешность в измерении не считали критичной, предполагая, что прогноз будет иметь примерно такую же погрешность, какая свойственна линейным процессам. *Неклассическая наука* обнаружила для себя нелинейность со всеми дальнейшими последствиями для задач прогнозирования. В критических, неравновесных точках протекания нелинейно смоделированных процессов точность измерения приобретает судьбоносный характер, поскольку даже малейшее отклонение означает возможность получить совершенно ошибочный прогноз. Погрешность и точность инструмента оказываются теперь очень важными. Непредсказуемость и непрогнозируемость событий появляется именно здесь. *Постнеклассическая наука* обратила внимание еще и на то, что инструмент измерения всегда конструируется живым человеком (с его интересами, ценностями), находится в его руках, а наблюдения ведутся его глазами. Стало ясно, что такую поправку на точность измерения тоже нельзя игнорировать, особенно в ситуации кризиса и нестабильности.

Что это означает в случае социологии и ее процедур измерения? При такой достаточно большой погрешности, которая всегда констатируется, скажем, в масштабных опросах, надеяться на адекватный прогноз крайне трудно. Особенно в условиях кризиса и высокой текучести социального, на что неоднократно указывали классики социологической мысли. И это было бы справедливым даже при наличии очень точных математических моделей социальных процессов (от чего мы еще весьма далеки). Весомость точности измерения при этом не уменьшается. Еще больше драматизма и пессимизма в плане про-

гностической силы социологии добавляет открытие влияния самого исследователя на измерение, обнаруженное постнеклассической наукой.

В данном случае фокус внимания эмпирического исследователя нужно перенести с прогностической на констатационную и *диагностическую функции социологической науки*. Результаты диагностики и констатации уже становятся инструментом менеджерского влияния и социальных технологий, где помимо научного знания важны также менеджерские компетенции и интуиции. И здесь попытка операционализировать понятие *социальной аномии* может послужить одним из примеров поиска выхода на такую диагностику. Учитывая высокую оценочную нагрузку этого понятия, уже само высказывание “аномийное общество” содержит в себе диагностическую силу. Но если внимательно посмотреть на известные методы измерения, можно констатировать — разные авторы часто вкладывают в эту констатацию совершенно разные смыслы.

Какие смысловые кластеры можно теоретически выделить в рамках концептуализации социальной аномии? В самом общем смысле под тем, что мы назовем “аномийным обществом”, можно понимать: 1. Общество, в котором отсутствуют общепризнанные нормы, которое нормативно фрагментировано, хотя при этом там могут существовать довольно мощные нормативные анклавы. Но следует говорить не о формальных нормах, а о тех, что имеют место в реальном поведении, повседневных практиках. 2. Общество, где существует общепризнанный нормативный порядок, но в какой-то момент наблюдаются определенные отклонения от него, ощутимые девиации. Именно это может стать задачей процедуры измерения. 3. Тот случай, когда сам автор инструмента задает его понимание, закладывая в процедуру измерения свое видение “правильных норм”. (Это могут быть нормы демократического общества — свобода, толерантность, равноправие и т.п. — либо это могут быть нормы, заложенные в моральном кодексе.) В таком случае под “аномийным обществом” мы будем понимать уже отклонения от этих нормативных порядков.

Ясное дело, что под выражением “аномийное общество” мы здесь будем иметь в виду совершенно разные вещи, и соответствующий диагноз в каждом случае будет существенно отличаться от других.

Парадоксальным выходом в данном случае может стать *отказ от измерения непосредственно самой аномии*. Здесь можно поступить по аналогии с точными науками или, скажем, с медициной. Там не измеряются такие важные диагностические вещи, как астения, авитаминоз, анемия. В каждом случае имеется определенный показатель, который не несет в себе оценочной нагрузки и отслеживается согласно определенной процедуре измерения (количества железа в крови, количества конкретного витамина в организме, температуры тела и т.п.). А уже на основании знания нормы можно говорить о наличии или отсутствии соответствующего отклонения — аномийного состояния. Изобретение похожего показателя в социальных процессах позволило бы при его использовании констатировать: 1) наличие жесткой нормы, то есть слишком “нормативное” общество; 2) небольшие отклонения от нормы, которые могут быть даже позитивными в определенных ситуациях (нести адаптивный потенциал); 3) значительные нормативные отклонения, которые могли бы указывать на критические уровни социальной аномии.

Гипотетически можно предположить, что данный показатель должен касаться определенных привычных практик человеческого взаимодей-

вия, их устойчивости и предсказуемости. Именно в этих практиках скрыты нормы и различные отклонения от норм — небольшие (низкий уровень аномии) и существенные — высокая аномия. Это то, что указывает на пределы устойчивости социума, угрозу разрушения, что несет в себе определенный прогностический потенциал.

МИХАИЛ МИЩЕНКО,

кандидат социологических наук, заместитель директора социологической службы Украинского центра экономических и политических исследований им. А.Разумкова, Киев

Действительно ли шкалы аномии измеряют аномию?

Рассмотрим некоторые особенности формулировки пунктов чаще всего используемых шкал аномии, которые могут влиять на результаты, получаемые с применением этих шкал. Пункты шкалы Л.Сроула и шкалы Г.Мак-Клоски и Дж.Шаар сформулированы так, что исследуемый фактически выступает в качестве эксперта, который должен оценить нынешнюю ситуацию в обществе, прежде всего в отношении уровня моральности, уровня общественной солидарности и поддержки. Пункты шкал формулируются таким образом, что становится очевидным, что с точки зрения авторов этих методик исследуемый индивид — это по определению высокоморальный человек, заинтересованный в том, чтобы в обществе существовал высокий уровень морали, равно как и высокий уровень общественной солидарности.

То есть высокие показатели по этим шкалам будут связаны с полученными ответами тех исследуемых, которые сами являются высоконравственными людьми (или позиционируют себя как таковые) и обеспокоены низким уровнем моральности общества, низким уровнем общественной солидарности, бездейственностью и отсутствием целей в обществе (то есть констатируют негативную ситуацию в обществе по этим показателям). Напротив, низкие показатели по этим шкалам связаны с ответами тех, кто либо не согласен, что моральная ситуация в обществе негативная, либо является аморальным человеком, которого плохая моральная атмосфера в обществе в целом устраивает или по крайней мере не волнует.

Эти шкалы аномии измеряют несоответствие ситуации в обществе субъективным моральным критериям, устанавливаемым субъектом оценки. Чем выше будут эти критерии, тем, вероятнее всего, будет выше уровень аномии, который определяется по этим шкалам. Исходя из этой логики, чем выше в обществе будет доля аморальных людей (с низкими субъективными моральными критериями), тем более низкими будут показатели аномии, измеренные по этим шкалам.

Формулировка пунктов шкал аномии не позволяет трактовать высокие показатели по этим шкалам как показатели аморальности респондента (так, как это видит Р.МакКайвер), хотя и дает основания говорить о констатации респондентом деморализованности общества (в этом смысле термин “аномийная деморализованность”, введенный Н.Паниной, является достаточно точным, схватывая ощущение респондентами того, что общество утратило моральные ориентиры; при этом данная ситуация респондентами воспринимается негативно).

Нужно указать еще на одну особенность многих шкал аномии. Пункты этих шкал в значительной мере построены либо на невосприятии респондентами настоящего и противопоставлении его “светлому прошлому”, либо на страхе перед будущим. Так, это касается четырех из пяти пунктов шкалы Сроула (например: “Несмотря на то, что некоторые люди не согласны с этим, во многом обычному человеку становится хуже, а не лучше”). То есть прежде всего можно говорить о шкале, измеряющей наличие или отсутствие ностальгии по прошлому, и даже если измеряется безнормность, то в качестве “нормы” или “идеального состояния” берется состояние дел, существовавшее (по крайней мере, по мнению исследуемых) в прошлом.

Это же можно сказать о шкале МакКлоски и Шаар — 7 пунктов из 9 построены на невосприятии настоящего и противопоставлении его прошлому. В шкале отчуждения Миддлтона — 2 пункта из 5. Меньше всего указанное касается шкалы Дина, в расширенном варианте которой 24 пункта, но только 4 из них можно трактовать как построенные на неудовлетворенности именно нынешней ситуацией и противопоставлении настоящего “лучшему” прошлому. Поэтому можно утверждать, что из четырех наиболее применяемых для исследования аномии шкал шкала Дина более всего пригодна для исследования аномии как безнормности.

В Украине для исследования аномии чаще всего в последние годы использовали шкалу Сроула и шкалу МакКлоски и Шаар, ориентированные прежде всего на выявление чувства “разрушения традиционных норм и ценностей”, тех ценностей, которые формировались и доминировали в СССР. В значительной мере высокие значения по этим шкалам отражают чувство ностальгии по общественным порядкам, существовавшим во времена СССР. И в этом смысле данные шкалы можно также интерпретировать как “шкалы ностальгии”. Не удивительно, что при исследовании по этим шкалам высокоаномийных оказывается заметно больше среди пожилых людей, чем среди молодых — ведь именно среди пожилых людей чувство ностальгии по прошлому распространено в наибольшей степени.

Итак, основным недостатком шкал, используемых в исследованиях аномии (прежде всего шкалы Сроула и шкалы МакКлоски и Шаар), является то, что они измеряют в первую очередь не “безнормность”, а чувство ностальгии по социальным порядкам и социальному строю недавнего прошлого. Первопричиной этой ностальгии являются консервативные общественно-политические ориентации, а ощущение “моральной и ценностной деградации общества”, связанной с изменением общественно-политического строя, которое обнаруживается этими шкалами, в значительной мере является лишь отражением этих консервативных общественно-политических ориентаций.

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социальной психологии Института
социологии НАН Украины, Киев*

Как соотносятся аномия и социальная напряженность

В определенном смысле понятие аномии и близкое к нему понятие социальной дезорганизации не только близки, но и иногда тождественны понятию социальной напряженности. Понятие социальной дезорганизации ввели в научный оборот представители Чикагской школы для обозначения нестабильности социальных институтов, которые не обеспечивали процесс социальной интеграции. Причем необходимость внедрения такого конструкта возникла в процессе исследования поведенческих процессов, и теоретически он был использован как связующее звено, механизм, объясняющий влияние неблагоприятных социальных условий на рост уровня преступности. Напряженность при этом истолковывали как недостаток возможностей для удовлетворения базисных потребностей представителей определенных социальных слоев. Аналогично и Дюркгейм, вводя в оборот понятие аномии, имел своей целью не просто обозначить определенное состояние общественной дезорганизации, но объяснить действием этого фактора поведенческие отклонения. И теория аномии в версии Мертона, которую, кстати, часто обозначают как теорию напряженности, концентрирует внимание на девиантных поведенческих реакциях, возникающих в ответ на блокирование путей достижения успеха легитимными способами. Однако парадокс состоит в том, что теория, созданная для объяснения поведения, в действительности гораздо успешнее используется именно как теоретический конструкт для описания общественного состояния. В частности множество попыток применить ее на эмпирическом уровне для объяснения девиантного поведения не дали однозначных результатов, и в 1960-е годы в американской социологии довольно прочно утвердилось мнение, что теория социальной дезорганизации не имеет подтверждения. Так же и теория напряженности Мертона не получила четкой эмпирической поддержки именно в части влияния напряженности, ощущаемой индивидами вследствие разного рода деприваций, на девиантное поведение.

Не имеет весомой эмпирической поддержки и институциональная теория аномии, согласно которой ключевым моментом ослабления регуляции поведения является нарушение баланса между экономическими, политическими и социальными институтами. Камнем преткновения является проблема операционализации разных видов институционального дисбаланса.

Существующие ныне инструменты измерения аномии на индивидуальном уровне также подвергаются критике из-за отсутствия четкой связи между предложенными индикаторами, фиксирующими степень отчужденности, и реальными поведенческими отклонениями. В то же время среди новых подходов перспективной выглядит модель К.Сводера и Л.Косалса —

аномия “я-не-знаю”. Теоретически они развивают линию Дюркгейма, но предлагают новый индикатор — неуверенность в нормах, оценках, собственном поведении. Его преимущества в том, что мы на уровне индивида получаем отражение неопределенности в плане трех главных институтов — политических, экономических и социальных. Возможно, применение этой модели для определения состояния аномии украинского общества будет более показательным, чем применение традиционно используемых исследователями шкал Л.Сроула, Г.МакКлоски и Дж.Шаар.

АНДРЕЙ БОВА,

кандидат социологических наук, начальник 1-го научно-исследовательского отдела научно-исследовательской лаборатории криминологических исследований и проблем предотвращения преступности Государственного научно-исследовательского института МВД Украины, Киев

Отношение населения Украины к морально-правовым нормам (по материалам Всемирного исследования ценностей)

Действенность социальных норм служит основой общественного порядка. Состояние ослабления этих норм или их конфликта представляет собой аномию. Современная концепция аномии объединяет целый ряд теоретических и эмпирических исследований различных сфер жизнедеятельности общества, отдельных социальных групп и индивидов. При количественном измерении социальной аномии (*social anomie*) и ее проявлений на уровне социальной структуры широко используются статистические данные по демографической ситуации, распространению социально обусловленных заболеваний, преступности, а также показатели политической стабильности, отсутствия насилия/терроризма и др.

Для изучения психологической аномии (*psychological anomia*) на индивидуальном и интерперсональном уровнях в 1950–1960-х годах в США был разработан и внедрен в массовые социологические опросы специализированный психосоциальный инструментарий (валидизированные шкалы), который фиксировал восприятие индивидом определенных фоновых явлений, происходящих в обществе, и соответствующие эмоциональные переживания, такие как отчуждение, потеря социальных ориентиров, бессилие, безысходность, неуверенность в действительности социальных норм и т.п. В отечественной социологии использовались шкалы Л.Сроула, Г.МакКлоски и Дж.Шаара и М.Кона.

Сейчас в разнообразных эмпирических исследованиях существует определенная вариативность показателей аномии, по типу недоверия к дру-

гим людям и социальным институтам, морально сомнительного поведения, пренебрежения нормами и ценностями, отсутствия понимания целей, опыта криминальной виктимизации, обеспокоенности относительно будущего, социального пессимизма и даже отсутствия определенности общественного мнения по поводу наболевших вопросов политической, экономической и частной сферы.

Одним из способов измерения распространенности аномии является определение морально-правового релятивизма, присутствующего во взглядах населения. Выявить это призван, в частности, ряд вопросов социологов, касающихся оценки определенных поступков, которые, по мнению респондентов, не заслуживают или заслуживают оправдания. Эти вопросы включены в мониторинговый кросс-национальный проект “Всемирное исследование ценностей/Европейское исследование ценностей” (WVS/EVS). Анализ полученной эмпирической информации дает возможность отслеживать изменения, происходящие в моральных стандартах и ценностно-нормативных системах разных обществ. Разработаны интегральные социологические индексы, комплексно характеризующие силу нормативности социальных норм и соответствующие установки населения.

На основании данных социологического опроса WVS, проведенного в Украине в 2011 году ($N = 1500$), четырнадцать переменных, отражающих отношение респондентов к морально-правовым нормам, подвергнуто факторному анализу методом главных компонент и кластерного анализа, и по его результатам построен индекс допустимости корыстных правонарушений (включающий пункты “проезд без оплаты в общественном транспорте”, “получение государственных выплат, на которые человек не имеет права”, “неуплата налогов, если есть такая возможность”, “получение взятки с использованием служебного положения”, “кража чужой собственности”), индекс допустимости насилия (“насилие против других людей”, “если родители бьют детей”, “если муж бьет жену”, “самоубийство”), индекс отношения к половой морали (“сексуальные отношения до брака”, “развод”, “аборт”, “проституция”, “гомосексуализм”). На основе корреляционного анализа и однофакторного дисперсионного анализа выявлено влияние отдельных социоструктурных и ценностных факторов на (не)восприятие определенных поступков в украинском социуме.

СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Конструирование и валидизация NLA-шкалы

Мой доклад посвящен результатам разработки социологического теста аномии, который фокусируется на измерении безнормности. Как про-

демонстрировала Екатерина Лыткина, в самых известных тестах анонимии тоже обращаются к таким концептам, как бессилие, бессмысленность, социальный пессимизм и изоляция.

Для измерения безнормности было сформулировано восемь утверждений, с которыми респондент мог согласиться, высказать неопределенную позицию или не согласиться. Часть из них взята из существующих методик (при этом некоторые были частично изменены), часть — специально сформулированы. Каждое из этих утверждений фиксировало определенный аспект социальной безнормности (см. табл.). Одна половина утверждений сформулирована в виде утверждения аномийных тенденций, вторая — как их отрицание.

Таблица

Индикаторы NLA-шкалы

<i>Индикаторы: согласны ли Вы с тем...</i>	<i>Аспект безнормности</i>
... сейчас у людей есть четкие нормы поведения по отношению друг к другу?	Нормы поведения по отношению к другим
... в наши дни все изменяется так быстро, что Вам часто бывает трудно определить, каких правил нужно придерживаться?	Скорость изменения норм
... большинство граждан Украины имеет четкое представление о том, в каком направлении должно развиваться наше общество?	Общественные приоритеты
... в наши дни Вам сложно принимать решение о том, что хорошо и что плохо?	Отсутствие жизненных ориентиров
... несмотря на разнообразие идей в нашем мире, человеку легко определить, во что верить?	Выбор среди многих идей
... в нашем обществе цель оправдывает средства?	Цинизм
... большинство людей, с которыми Вам приходилось иметь дело, руководствуются нормами морали?	Моральность/аморальность окружения
... сейчас все настолько неопределенно, что не существует никаких определенных правил, соблюдая которые, можно понять, как следует жить?	Неопределенность

Методика была включена в общенациональный опрос ($N = 600$), выборка которого базировалась на стратификации по региону и типу населенного пункта, а также на квотировании по полу и возрасту (исполнитель опроса — ООО «СОЦИС — Центр социальных и маркетинговых исследований»).

Результаты анализа (CFA) показали, что индикаторы по таким аспектам, как цинизм и моральность/аморальность, “выпадают” из факторной модели. Также выяснилось, что индикаторы, которые утверждают и отрицают аномийные тенденции, формируют два соответствующих фактора, достаточно слабо связанных между собой ($r = -0,202$). При использовании шести индикаторов, разделенных на два фактора, анализ демонстрирует высокие показатели факторной структуры ($\chi^2 = 14,1$; $df = 8$; $p\text{-value} > 0,05$). Следует также отметить низкое значение коэффициента α Кронбаха для этих шести индикаторов (0,48).

Результаты конструктивной валидации показали статистически значимую связь ($p\text{-value} < 0,001$) аддитивного значения шкалы с протестным потенциалом ($r = -0,23$), антидемократическими установками в отношении развитых стран ($r = 0,25$) и Украины ($r = 0,34$), авторитарными установками ($r = 0,19$), а также установками на общественную активность ($r = -0,30$).

На основе проведенного исследования можно прийти к выводу, что NLA-шкала является перспективным инструментом социологического измерения, однако требует дальнейшей методологической доработки.

ЮРИЙ РОМАНЕНКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры международных медиакоммуникаций и коммуникативных технологий Института международных отношений КНУ им. Тараса Шевченко, Киев

Культуропатии и социопатии как типы аномии в Украине

В соответствии с авторской моделью “культура — социум — психика — тело”¹, в докладе рассмотрены два уровня: уровень культуры и уровень социума. Каждый из уровней, в соответствии с принципом рекурсии Н.Лумана², содержит внутри себя как собственные содержания, так и содержания других уровней. Как следует из этого, культура содержит свои собственные содержания и содержания социума, психики, тела (культура в культуре, культура в социуме, культура в психике и культура в теле). Аналогично, социум имеет свои собственные содержания и содержания других уровней (культура в социуме, психика в социуме и тело в социуме). Далее следует рассмотрение культуропатий и социопатий в Украине в соответствии с представленной моделью.

Культуропатии уровня культуры. Элементами “культуры в культуре” выступают: а) аттрактор-центратор — осуществляет центрирование системы и задавание надличностного (метасоциального) смысла жизненной активности; б) миссия — осуществляет определение программы жизненной активности идентичности по отношению к образу абсолюта; в) идентичность (иерархия идентичностей) — осуществляет сверхсознательное задавание континуума-образа (образов)/(пространственно-временных рамок системы в рамках миссии; г) мировоззрение (архитектоника/карта сакраль-

¹ Этническая идентичность: социосистемологическое измерение геополитики / Под ред. Ю.В.Романенко. [Я.В.Зоська, Ю.Ю.Медведева, Ю.В.Романенко, И.А.Святенко, Н.В.Туленков, Е.А.Хомерики]. — Киев: Меркьюри-Подолье, 2016. — С. 140–210.

² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — Санкт-Петербург: Наука, 2007. — С. 420–450.

ного–космического пространства) — осуществляет картирование, онтологическую категоризацию заданного идентичности континуума.

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию культуроцентрирования — задавания аксиостазисов, связанных с образами трансцендентной по отношению к социуму/человеку реальности спиритуального, социального, психического или телесного происхождения.

К культуropатиям *“культуры в культуре”* относятся: децентрирование, которое, в свою очередь, бывает трех видов: а) диффузия — размывание содержания аттрактора-центратора с допущением имплементации в культурную систему чужеродных образов, что приводит к искажению миссии, идентичности и мировоззрения этнической общности; б) расщепление — внедрение в образ абсолютной реальности культурной системы неаутентичных составляющих, нарушающих культуроцентрирование, вертикализацию и ординализацию; в) фрагментация — разделение образа абсолютной реальности на сегменты-фрагменты.

К культуropатиям идентичности отнесены: а) диффузия (спутывание) идентичности, содержанием которой является размывание границ идентичности с допущением имплементации в культурную систему чужеродных образов, что приводит к искажению структур средней цензуры, прежде всего направленности и иерархии ценностей. Возможные культурные, социальные, психические и телесные эффекты: профанация миссии, профанация жизненного времени, телесные девиации и органические заболевания привнесенного происхождения; б) фрагментация (дробление) идентичности, содержанием которой является аннулирование связи между центрирующими (осевыми) и периферическими идентичностями (напр., религиозной и этнической, профессиональной и социальной). Возможные культурные, социальные, психические и телесные эффекты: преобладание энтропии и дефицитарности миссии, дистемпорализация (нарушение временной упорядоченности) жизни, телесные девиации и заболевания эндогенного происхождения различной этиологии; в) расщепление идентичности, содержанием которой является привнесение в иерархию идентичностей (инкорпорирование) вторичных, третичных и др. идентичностей или фрагментов идентичностей других культурных систем в базовые идентичности (религиозную, этническую, социальную).

К культуropатиям мировоззрения относится культурная дисконтинуация/инфляция (разрушение смыслообразования, обесценивание смыслов за счет культуropатий идентичности).

Элементами *“социума в культуре”* выступают: а) направленность (как прообраз-изоморф социальной системы) — определение конфигурации общих векторов движения (духовного, психического, социального, физического и др.) в рамках онтологической карты мировоззрения; б) иерархия ценностей (как прообраз-изоморф институциональной иерархии) — определение пространственно-временной последовательности движения в рамках направленности (резервирование и распределение времени и пространства в отношении различных духовно-материальных, социальных и других объектов); в) статусно-ролевые иерархии — социально-антропологическая стратификация как прообраз всех прочих форм стратификации и отражение иерархии культурных ценностей в социуме, психике и теле.

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию вертикальной интеграции/выравнивания субуровней психики в культуре и тела в культуре по заданным аксиостазисам. К культуropатиям “*социума в культуре*” относятся: а) социальная энтропия — утрата/разрушение общих векторов движения (духовного, психического, социального, физического и др.) в рамках онтологической карты мировоззрения); б) гетерархизация ценностей/дистемпорализация — превращение институциональной иерархии в рядоположенность; утрата социальными институтами функции резервирования и распределения времени и пространства в отношении различных духовно-материальных, социальных и других объектов; в) социальная демотизация/охлотизация — утрата различий между элитными и неэлитными социальными группами.

Элементами “*психики в культуре*” выступают: а) характер (метасценарий редукции психики, в статусно-ролевой иерархии идентифицированной с одной или несколькими (чаще — несколькими) образами социальных групп) — представляет собой овеществленные результаты направленного и ненаправленного культурационного/культурирующего и социализационного/социализирующего воздействия социетальной психики на индивидуальную; эти результаты чаще всего представлены записанным в блоке памяти опытом удовлетворения/фрустрации в той или иной активности; б) социальные скрипты — отвечают за интегрирование различных репертуаров действий системы в рамках характерологических диспозиций; в) паттерны целеполагания (нормы) — отвечают за упорядочивание действий на основе контроля результатов (сопоставления сценарно-запланированного и фактически-достигнутого).

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию культууроординализации-габитуализации — превращения составляющих “социума в культуре” в диспозиции социального характера как метаскрипта отдельных социальных сценариев и паттернов целеполагания, а также бессознательной “автоматизации” направленности, иерархии ценностей и статусно-ролевых иерархий.

К культуropатиям “*психики в культуре*” относятся: а) размягчение/деморфизация характера (культуropатическая феминизация и культурная амнезия); б) групповая и социетальная дезинтеграция; в) деординализация — разрушение структур порядка и/или их превращение в симулякр.

Элементами “*тела в культуре*” выступают: а) эталонный антропотип/этнотип — образ идеального человека в культуре/этнической общности; б) эталоны телесности — образы искусства, моды, массовых коммуникаций, структурирующих телесно-физический, технический и прочие сегменты жизненного пространства. Вышеперечисленные элементы выполняют функцию инкорпорации/овеществления культуры в виде эталонного антропотипа, то есть модели “совершенного”, “состоявшегося” человека и его телесных атрибутов.

К культуropатиям “*тела в культуре*” относится: *архаизация* — примитивизация, оскотинивание.

Социопатии уровня социума. Элементами “*культуры в социуме*” выступают: (а) идеология — метасценарий развертывания активности идентичности как культурного метасубъекта через субидентичности ключевых социальных субъектов, определяющий их пространственно-топологические и темпо-

ральные характеристики, которая (идеология) включает в себя: (б) социотопологию (архитектуру-карту социального пространства с определением его сегментов-ниш); (в) социоонтологию (определение ключевых социальных субъектов, корреспондирующих с выделенными сегментами культурного социального, психического и физического пространства); (г) социотемпорологию (определение направлений активности ключевых социальных субъектов и векторов бюджетирования их времени в социуме).

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социоцентрирования — проектирования и моделирования социума как целого. К социопатиям “культуры в социуме” относится социальная дисконтинуация (формирование социальных “черных дыр”) — аномия в дюркгеймовско-мертеновском понимании¹ — внепространственность/ безвремяе. Эмпирическими проявлениями аномии выступают непродуктивная миграция населения, отрицательная/нисходящая демографическая динамика (превышение смертности над рождаемостью, рост статистики суицидов — как спланированных, так и окказиональных, и т.п.).

Элементами “социума в социуме” выступают: а) архитектура социальной системы как целого (стратегия аутопойезиса); б) архитектура институциональных кластеров (социальных подсистем); в) стратификация (иерархия социальных групп, выстроенная на основе субординирования с социоонтологией и социотемпоралогией). Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социовертикализации — закладки социальной архитектуры и ее “пробацию” в виде социальных (институциональных/неинституциональных) практик.

К социопатиям “социума в социуме” относятся: а) замена аутопойезиса гетеропойезисом², выражающаяся в собирании социальной системы из институтов других социальных систем, непродуктивной рецепции и замене общества-системы обществом-агрегатом; б) институциональная фрагментация и коррупция (перерождение социальных институтов в группы-корпорации с непродуктивными и паразитическими признаками); в) расщепление между номинальной и реальной социальной стратификацией, социальная атомизация, групповая тенизация, которая находит проявление в несовпадении между научно-описательными и фактическими признаками социальных групп, между названиями и статусно-ролевыми нишами.

Элементами “психики в социуме” выступают социетальная психика³ (менталитет) как целое, отражающее культуру, социум и психику, и ее составляющие: духовно-культурные, социетальные и психические диспозиции. Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социальной ординализации и габитуализации — установления социального порядка, его рутинизации (опривычивания).

¹ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. — Москва: Канон, 1995; Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. — Москва: АСТ, Хранитель, 2006.

² Луман Н. Власть. — Москва: Праксис, 2001; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. — Санкт-Петербург: Наука, 2007.

³ Донченко Е.А. Социетальная психика. — Киев: Наукова думка, 1994.

К социопатиям “психики в социуме” относятся также архетипические инвазии и имагинации (называемые еще социопизофренией).

Элементами “тела в социуме” выступают телесные и поведенческие диспозиции — “габитус”¹ (в авторской терминологии) “нормативный социотип” (продукт инкорпорации менталитета больших социальных групп в психике и теле). Данные элементы выполняют функцию социальной инкорпорации — осознанного / бессознательного имплементирования социального порядка в социетальную и индивидуальную психику. К социопатиям “тела в социуме” относятся нарушения процесса социализации, такие как гипосоциализация и десоциализация.

ЕКАТЕРИНА НАСТОЯЩАЯ,

*кандидат социологических наук, докторант
факультета социологии КНУ им. Тараса
Шевченко, Киев*

Аномия в оптике глобализации: контуры и факторы

Сегодня аномия как системное состояние социума должна быть переосмыслена с позиции новых современных тенденций и факторов, оценена на уровне глобальных изменений и трансформаций. И в этом контексте мы можем фиксировать аномию не столько как системное состояние, сколько как набор состояний, тенденций, определенных аномийных явлений. Ведь современность изменяет как формы аномии, так и факторы, вследствие которых она формируется на глобальном уровне (по Смелзеру). Главными факторами в этом контексте являются такие тренды глобализации, которые уже сегодня масштабно и многовекторно влияют на социокультурную динамику нашей цивилизации. Это — индивидуализация, виртуализация, универсализация культуры и мобильность. Рассмотрим их как детерминанты новых аномийных тенденций и новой формы аномии как глобального феномена. Сразу замечу, что глобальные тренды масштабно способствуют и многообразным позитивным изменениям, но я намеренно сосредоточусь только на негативных тенденциях, провоцирующих глобальную аномию. Ведь вместе с увеличением жизненных шансов (Дарендорф), повышением качества жизни и расширением прав и свобод личности (Маршалл, Ананд), появлением институциональной эмансипации и утверждением ценностей самовыражения (Инглхард) глобальный мир переживает и ряд других, амбивалентных тенденций.

Так, негативными последствиями индивидуализации как глобального тренда являются ослабление социальных связей, социального контроля, рост одновременно неприкосновенности частной жизни и социального рав-

¹ Бурдые П. Социология политики. — Москва: Socio-Logos, 1993. — С. 80–112.

нодушия, нивелирование групповых нормативов поведения, потеря ценности солидарности и групповой идентичности (Турен, Бек, Тоффлер, Бауман, Гидденс), что формирует такие аномийные тенденции, как атомизация, отчуждение личности, синглизация (увеличение единичных домохозяйств), способствует дестандартизации и деинституционализации института семьи (и соответственно снижению рождаемости), а также детерминирует исчезновение трудового общества, что, в свою очередь, приводит к росту безработицы, формирует новые формы неравенства (Арендт, Бауман, Дарендорф) и т.п. Урбанизация, технологизация и стремительное разрастание мегаполисов также усиливают влечение к уединению и анонимности (Альтман), что провоцирует экзистенциальный кризис личности (Гидденс, Тириахьян, Мерло-Понти). В состоянии постоянных смысложизненных поисков и устремлений к успешной самореализации человеку становится трудно самостоятельно противостоять давлению “избыточного выбора”, следствием чего становятся феномены “инфоинтоксикации” и “колонизации будущего” (Гидденс), которые провоцируют депрессивные состояния, психические расстройства, мотивируют интерес к суицидальным техникам. В этом смысле много вопросов возникает в связи с высокими показателями статистики самоубийств в развитых странах (Японии, Южной Корее, Скандинавских странах, странах Балтии).

Отдельным фактором детерминации аномии на глобальном уровне является мобильность (Урри) и ее главная тенденция — гипермиграция. Так называемое великое переселение народов приводит к перенаселению развитых стран, созданию в них зон высокой социальной напряженности. А слишком активная миграция производств влияет на практики занятости в развитых странах наряду с давлением диджитализации, что в совокупности ведет к росту безработицы (Кастельс, Арендт, Арон, Белл). По данным WEF, до 2020 года в развитых странах количество созданных рабочих мест на 5,1 млн позиций будет отставать от количества сокращенных.

Виртуализация как глобальный тренд также детерминирует определенные тенденции, такие как технологизация, роботизация, диджитализация, играизация, которые также формируют явления инфонтейнмента (Постман), культурной всеядности (Петерсон) и “избыточного выбора”, которые вместе взятые глобально трансформируют как коммуникативное пространство, так и сферы досуга и занятости, способствуют гиперпопуляризации практик самопрезентации. Эти тенденции также детерминируют медиатизацию и виртуализацию культуры, способствуют появлению феномена киберкультуры и таких связанных с ней негативных явлений, как кибербуллинг, зеппинг, клиповое (фрагментарное) мышление, симулякризация (Бодрийяр) и т.п. Виртуализация ставит акцент на технологизации жизни, которая ускоряет связь, способствует экономии времени, технической алгоритмизации взаимодействия, развитию биотехносинтеза (Латур, Калон, Ло), образованию синтетических идеологий (таких как трансгуманизм), а также усиливает возможности манипуляции массовым сознанием, создавая искусственные идентичности, ведущие к “инфоинтоксикации” личности, сетевой зависимости и т.п.

Глобальная универсализация культуры вызывает стойкие тенденции, которые все более усиливаются в мировой культуре, также провоцируя аномийные сценарии развития (Питерс, Хантингтон, Айзенштадт, Ханнерс,

Ноэль-Нойманн). Речь идет о массовизации культуры, гибридизации, макдональдизации, консьюмеризации (Ритцер), ньюэйджизации, конфликте тенденций секуляризации и десекуляризации (Хабермас). Вместе с тем культурная глобализация детерминирует появление своего антипода — антитренда — глокализации (Робертсон). Глокализация означает процесс самозащиты отдельных культур (Айзенштадт), часто приводящий к дисфункциональным тенденциям, таким как балканизация (Дарендорф), анклавизация (*самозамыкание, самоизоляция*), что усиливает религиозный и культурный фундаментализм (Бергер), сепаратизм, популизм, являющиеся самодостаточными факторами аномии на общественном уровне в пределах отдельных стран.

Совокупно обозначенные тренды влияют на другие явления и тенденции, традиционно являющиеся локусами развития аномии — безработицу, бедность, деинституционализацию традиционной семьи, обесценивание солидарности и групповых идентичностей, манипулирование общественным мнением, популизм и т.п., которые сегодня приобретают глобальное пространство.

Реагируя на все это, индивиды порой вынуждены формировать собственные оппозиционные дестигматизационные стратегии, к числу которых можно отнести такие “решения второго порядка”, как жесткая консолидация в пределах малых групп на основе первичной (*этнорелигиозной*) идентичности (кланы, секты, движения, банды, анклав); минималистические культурно-социальные практики дауншифтинга; снижение вертикальной мобильности; так называемая медленная жизнь; самозамыкание на модели успешной “Я-личности” (Фанк). При этом ни одна из этих стратегий не является общественно конструктивной.

Поэтому формой предотвращения усиления аномийных тенденций, в частности, должно стать активное развитие гражданской сферы (Дж.Александр), формирование гражданской идентичности, всестороннее содействие социальной инклюзии, формирование терминальных сообществ (Гирц) и т.п.

Модератор круглого стола СЕРГЕЙ ДЕМБИЦКИЙ

Материал поступил 15.02.2019